Новый подход к классификации объектов вещных прав

БОРОДКИН Станислав Викторович, аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, 34
E-mail: borodkin.stas@gmail.com

Стремительное развитие научного и технического прогресса приводит к введению в гражданский оборот принципиально новых объектов, права на которые требуют отдельной защиты. Современный уровень законодательной деятельности не всегда позволяет оперативно определить правовую природу таких объектов и, соответственно, применимый к ним правовой режим, особенно в случае, если речь идет об отношениях с иностранным элементом.

В рамках реформы российского гражданского законодательства значительное внимание было уделено вопросам вещных прав в международном частном праве. В статье рассматриваются произошедшие в российском праве изменения в контексте подходов, применяемых для решения аналогичных задач в странах общего права и международной судебной практике.

Статья основана на сравнительно-правовом анализе норм иностранного и российского законодательства, а также изучении применимой судебной практики по вопросам защиты вещных прав. Используются также иные общенаучные и частнонаучные методы, включая диалектический и формально юридический методы, метод обобщения, дедукцию, анализ, синтез.

Автор приходит к выводу, что изменения норм российского законодательства, связанные с вещными правами в международном частном праве, могут способствовать усилению защиты прав российских юридических лиц, осуществляющих деятельность за рубежом. Закрепление коллизионного принципа *lex rei sitae* в качестве универсально применимого к вещным правам предоставляет достаточную гибкость в регулировании отдельных видов правоотношений и позволяет учитывать специфику новых объектов, вовлекаемых в гражданский оборот.

Ключевые слова: вещные права, реформа гражданского законодательства, *lex rei sitae*, коллизионные нормы.

New Approach to the Classification of Property Right Objects

S. V. BORODKIN, postgraduate student at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218
E-mail: borodkin.stas@gmail.com

Rapid development of scientific and technological progress leads to the introduction of fundamentally new objects into civil-law transactions. The rights to these objects require separate protection. The current level of legislative activity does not always allow prompt determination of these objects' legal nature and consequently the legal regime applicable to them, especially in the case of relations with a foreign element.

As part of the reform of Russian civil legislation, considerable attention is paid to the matters of property rights in private international law. This article examines the changes in the Russian law in the context of approaches that are used in common law countries and international jurisprudence to solve similar problems.

The article is based on a comparative legal analysis of the norms of foreign and Russian legislation, as well as the study of applicable judicial practice on the protection of property rights. In addition, other general and specific scientific methods are used, including dialectical and formal legal methods, the method of generalization, deduction, analysis and synthesis.

The author comes to the conclusion that changes in Russian legislation related to property rights in private international law can contribute to strengthening the protection of the rights of Russian legal entities operating abroad. In addition, the consolidation of the *lex rei sitae* conflict principle as universally applicable to property rights provides sufficient flexibility in the regulation of certain

types of legal relations and allows taking into account the specifics of new objects involved in civil-law transactions.

Keywords: property rights, civil law reform, *lex rei sitae*, conflict rules.

DOI: 10.12737/art_2018_2_5

Право всегда так или иначе взаимодействует с окружающей действительностью. Оно либо определяет возникновение определенных правоотношений, либо регулирует те отношения, которые уже возникают в обществе, тем самым отвечая на актуальные вызовы извне. Вызовы, с которыми право сталкивается сегодня, заставляют обратиться к основополагающим правовым институтам и их защите, включая таковой институт, как вещные права.

Еще Л. А. Лунц отмечал, что «международная торговля... неизбежно связана с тем, чтобы в каждом государстве признавались, в известных пределах, субъективные гражданские права и прежде всего права собственности, возникшие под действием зарубежных законов»¹. Вещным правам присущ абсолютный характер. Он выражается в том, что их действие распространяется на неопределенный круг лиц, которые обязаны воздерживаться от их нарушения². В силу того что в отношениях международной торговли отсутствуют унифицированные нормы, регулирующие отношения вещного характера между субъектами гражданского права различных государств, то существует особая потребность в коллизионных нормах, опосредующих вещно-правовые отношения³. Именно поэтому в рамках Концепции со-

вершенствования российского гражданского законодательства коллизионным нормам вещно-правовых отношений было уделено первостепенное внимание.

Со вступлением в силу Федерального закона от 30 сентября 2013 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» нормы о вещных правах в международном частном праве России претерпели существенные изменения. Новая редакция ст. 1205 ГК РФ закрепила единый принцип закона места нахождения вещи (*lex rei sitae*) как коллизионного принципа, универсально применимого к вещным правам. Ранее действовавший принцип *lex rei sitae* применялся в российском праве исключительно к праву собственности, не распространяясь на такие вещные права, как хозяйственное ведение и оперативное управление.

До принятия новой редакции ст. 1205 ГК РФ действовала коллизионная норма, определяющая общие положения, применимые к вещным правам: о содержании права собственности и иных вещных прав, их осуществлении и защите. Новая редакция данной статьи утвердила коллизионный принцип *lex rei sitae* как основу регулирования всех аспектов вещного права.

Указанное нововведение усилило защиту имущественных прав российских юридических лиц, осуществляющих деятельность за рубежом. С новой редакцией ст. 1205 ГК РФ достаточно квалифицировать отношения как вещно-правовые, чтобы имущество российских юридических лиц, находящееся на территории Российской Федерации, получило защиту по российскому

¹ Лунц Л. А. Курс международного частного права: в 3 т. М., 2002. С. 417.

² См.: Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. М., 2005. С. 234—235.

³ «...Национальные правовые системы подвергаются действию центростремительных сил. В них развиваются концепции и принципы, мало совместимые между собой и не отвечающие потребностям международной торговли» (Базедов Ю. Возрождение

процесса унификации права и его элементов // Государство и право. 2000. № 2. С. 65).

законодательству в силу действия принципа *lex rei sitae*.

Примером такого подхода является дело «“Совтрансавто Холдинг” против Украины». Его обстоятельства таковы. В период с 1993 по 1997 г. международному перевозчику «Совтрансавто Холдинг», зарегистрированному в 1993 г. по российскому праву, принадлежало 49% акций в акционерном обществе открытого типа «Совтрансавто-Луганск», зарегистрированном на Украине. Путем решения собрания акционеров, которое было проведено без участия «Совтрансавто Холдинга», и последующих распоряжений генерального директора «Совтрансавто-Луганск» сначала было преобразовано в акционерное общество закрытого типа, а затем его уставный капитал был увеличен на треть за счет вкладов генерального директора. Таким образом, доля акций, принадлежащих «Совтрансавто Холдингу», сократилась до 20,7%. В результате последующих операций значительная часть имущества «Совтрансавто-Луганск» была распродана в пользу юридических лиц, аффилированных с его генеральным директором. «Совтрансавто Холдинг» обратилось в национальный суд с требованием о признании незаконными решений о преобразовании и увеличении уставного капитала «Совтрансавто-Луганск». В ходе большого количества слушаний судебные органы различных инстанций принимали решения то об удовлетворении, то об отказе в удовлетворении требований «Совтрансавто Холдинга». Процесс вызвал настолько широкий резонанс, что исполнительные органы Украины, включая президента, неоднократно призывали судей встать на защиту национальных интересов государства при рассмотрении данного дела. В итоге рассмотрение дела на национальном уровне закончилось 26 апреля 2002 г. Требования «Совтрансавто Холдинга» были полностью отклонены. Не согласившись с данным решением, «Совтрансавто Холдинг» обратилось

в Европейский суд по правам человека, который признал, что акции, которыми владело «Совтрансавто Холдинг», несомненно, имели экономическую ценность и являлись «имуществом» по смыслу ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Суд также отметил, что акция компании является комплексным имуществом. Она удостоверяет, что ее владельцу принадлежит часть капитала компании и соответствующие права. Таким образом, речь идет не только о косвенном вкладе в активы компании, но и о других правах, в частности о праве голоса и праве участия в управлении компанией, которое может вытекать из вида акции. ЕСПЧ постановил, что в данном случае правительством Украины были нарушены права «Совтрансавто Холдинга» на пользование своим имуществом, гарантированные Конвенцией⁴.

Из приведенного примера следует, что российское юридическое лицо, имевшее в украинской юрисдикции статус иностранной компании (было зарегистрировано по российскому праву), потеряло часть своего имущества в результате действий генерального директора. Международный суд признал вещно-правовой характер иска и встал на сторону истца. «То, каким образом дело было рассмотрено [на национальном уровне], и неопределенность, в которой была оставлена компания-истец, нарушают “справедливый баланс”, который должен иметь место между требованиями публичного интереса и необходимостью защиты права компании-истца беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Следовательно, государство нарушило свою обязанность обеспечить компании-истцу эффективное осу-

⁴ Sovtransavto Holding v. Ukraine, Applications No. 48553/99. European Court of Human Rights, Judgment of 25 July 2002. URL: <https://www.juridice.ro/wp-content/uploads/2016/05/001-60634-1.pdf> (дата обращения: 28.05.2017).

ществование своего права собственности, как это установлено в ст. 1 Протокола № 1 [к Конвенции]]⁵.

Коллизионный принцип *lex rei sitae* прост в применении и отличается своей определенностью. Исторически его возникновение связано с признанием за иностранцами их прав в пределах территории того или иного государства⁶. Широкое применение данного принципа в международном частном праве также может быть вызвано желанием государств подчинить национальному регулированию любое имущество, находящееся на их территории.

На основании принципа *lex rei sitae* в российском праве, помимо видов объектов вещных прав, определяются их оборотоспособность, содержание, возникновение, прекращение, осуществление и защита (ст. 1205¹ ГК РФ). При этом данные понятия тесно переплетаются друг с другом. Так, на связь объекта и содержания вещного права указывал еще Ю. С. Гамбаров: «Нигде качества объекта не оказывают такого огромного влияния на содержание права, как в вещных отношениях. Каждый из родов вещей, по поводу которых устанавливаются вещные права, имеет свое особенное назначение в экономической и общественной жизни человека, почему каждому из них соответствует особенное, согласное с его природой, содержание права»⁷. Данная взаимосвязь проявляется и в соотношении объектов вещного права и их защиты. Нормами международного частного права могут устанавливаться особые режимы защиты вещных прав с учетом того, какой именно объект является предметом спора.

⁵ *Sovtransavto Holding v. Ukraine...*

⁶ См.: Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части третьей (постатейный) / отв. ред. Н. И. Марышева, К. Б. Ярошенко. М., 2014. С. 489.

⁷ Гражданское право. Часть особенная. Вещное право / [Соч.] Орд. проф. Ю. С. Гамбарова. 1894—95 г. М., 1895. С. 8—9.

При рассмотрении видов объектов вещных прав следует учитывать, что в доктрине выделяют понятия юридического и материального объектов правоотношения. Под юридическим объектом правоотношения О. С. Иоффе понимал определенное поведение лица⁸. Так, по мнению цивилиста, юридическим объектом права собственности является пассивное поведение обязанных лиц⁹, которые должны не нарушать абсолютного права обладателя вещи. Материальным объектом вещных прав традиционно признаются вещи¹⁰. Некоторые современные исследователи еще более сужают категорию объектов вещных прав до материальных, индивидуально-определенных вещей¹¹. С таким подходом нельзя не согласиться.

Тем не менее в литературе в последнее время отчетливо звучит позиция, согласно которой объектами вещных прав признаются не только вещи, но и в ряде случаев обязательственные права, бестелесные вещи¹². Возникновение такого толкования объекта вещных прав связано со стремительным развитием научного и технического прогресса, в результате которого в гражданском обороте начинают участвовать принципиально новые объекты, включая бездокументарные ценные бумаги, безна-

⁸ См.: Иоффе О. С. Обязательственное право. М., 1975. С. 13.

⁹ Там же. С. 6.

¹⁰ См.: Новицкий И. Б., Луиц Л. А. Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 43.

¹¹ См.: Российское гражданское право: учебник. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2011. С. 495; Бадмаева С. Ю. Объекты вещных прав в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 81; Масляев А. И. Понятие и виды вещных прав // Закон. 2004. № 2. С. 4.

¹² См.: Гумаров И. Понятие вещи в современном гражданском праве России // Хозяйство и право. 2000. № 3. С. 79; Васильев Г. С. Движимые вещи // Объекты гражданского оборота: сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2007. С. 286.

личные денежные средства, криптовалюта и т. д. В результате законодатель не всегда успевает придать таким объектам должное юридическое оформление, и в доктрине возникают споры относительно их правовой природы и правового режима, который должен на них распространяться. Однако попытки включить такие предметы в круг объектов вещных прав не выдерживают критики. Права по своей природе не могут выступать в качестве объекта вещных прав, несмотря на то что, как отмечал еще В. И. Синайский, «уже давно не проводится строгого различия между вещью, как физическим предметом, и правом, как бы невещественным предметом...»¹³.

Существенно отличается концепция вещных прав в странах общего права. Английское право рассматривает в качестве вещных прав самые разные варианты обладания различными объектами. Под правом собственности в Англии понимается не неделимая совокупность полномочий. Напротив, данное право может охватывать непоименованное количество правомочий, в связи с чем к вещным правам, помимо классического права собственности, в Англии относятся, например, также право аренды и доверительное управление (траст). При этом законодательное определение вещного права отсутствует. Критерии, которые позволяют относить то или иное право к категории вещных прав, были выработаны в судебной практике. Так, в решении по делу Национального провинциального банка против Эйнсворта 1965 г. Палата Лордов постановила, что такими критериями являются определимость объекта, возможность его идентификации и присвоения третьими лицами и определенная степень постоянства¹⁴.

¹³ Синайский В. И. Русское гражданское право. Киев, 1912. С. 66.

¹⁴ См.: Hepburn S. Principles of Property Law. L., 2001. P. 209; Panesar S. General Principles of Property Law. L., 2001. P. 57.

Для стран общего права также характерна проприетарная концепция толкования объектов вещных прав. В соответствии с данным подходом нематериальные объекты интеллектуальной собственности также являются объектами вещного права. Например, в законодательстве Австралии данное положение зафиксировано в Законе об авторском праве 1968 г., Законе о патентах 1990 г., Законе о торговых марках 1955 г. и Законе о промышленных образцах 1906 г. По свидетельству И. А. Зенина, наделение результатов интеллектуальной деятельности признаками собственности и их регламентация в рамках вещного права обусловлены рядом исторических, экономических, психологических и юридических факторов¹⁵.

В зависимости от критерия, который применяется для классификации объектов вещных прав, в российском гражданском праве выделяют движимые и недвижимые вещи, потребляемые и непотребляемые, простые и сложные, индивидуально-определенные и определяемые родовыми признаками, оборотоспособные и ограниченные в обороте. В связи с этим нельзя не согласиться с утверждением, что «в настоящее время классификацию объектов вещных прав в точном смысле слова классификацией назвать нельзя, поскольку существующие разновидности вещей не являются соподчиненными понятиями и не образуют систему»¹⁶. Тем не менее выделение различных видов вещей лежит в основе их правового режима и влияет, помимо прочего, на способы их защиты.

Таким образом, защита интересов обладателя прав на бестелесные объекты, а также объекты, в отношении которых законодателем еще не определена их правовая природа,

¹⁵ См.: Зенин И. А. Гражданское и торговое право зарубежных стран: учеб. пособие. М., 2005. С. 92.

¹⁶ Бадмаева С. Ю. Указ. соч. С. 121.

в российском праве не может быть осуществлена посредством вещно-правовых способов. Однако, как справедливо отмечает С. А. Синицын, субъект вещного права может прибегнуть не только к вещно-правовым, но и к обязательственно-правовым способам защиты¹⁷, и для защиты вещных прав могут также использоваться общие способы защиты, перечисленные в ст. 12 ГК РФ, включая самозащиту, признание права и др.

В отношении вещных прав традиционно устанавливается национальный режим правового регулирования, и на сегодняшний день все известные попытки унификации права в этой области не увенчались успехом¹⁸. Тем не менее автор полагает, что обращение к практике международных судов может способствовать пониманию тенденций в защите интересов лиц в вопросах собственности. Так, в ситуациях, когда законные интересы граждан и юридических лиц ставятся под угрозу, на международном уровне зачастую можно наблюдать расширение догматических границ объектов вещного права. Одним из основополагающих международных актов в области защиты вещных прав является Конвенция о защите прав человека и основных свобод. В соответствии со ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права. Практика ЕСПЧ дала понятию имущества для целей указанной Конвенции автоном-

ное значение. Для ЕСПЧ характерен ценностный подход к понятию права собственности¹⁹. В разное время данный судебный орган относил к имуществу не только материальные предметы (вещи), но и существенное количество различных видов активов, имеющих экономическую ценность. Так, в разряд имущества в соответствии с решениями ЕСПЧ включались движимое и недвижимое имущество, земельные участки, здания, право получения плодов (узифрукт), трасты, арендованное имущество, гудвил, клиентская база, интеллектуальная собственность, право на доменное имя, требования из договоров и причинения вреда, законные ожидания, лицензии на осуществление определенных видов деятельности и т. д.²⁰

Широкое понимание понятия имущества находит отражение также в решениях Постоянной палаты международного правосудия (ППМП), предшественника Международного суда ООН. В 1925 г. правительство Германии обратилось в данный Суд по поводу немецких интересов в Верхней Силезии²¹. До этого правительство Польши экспроприировало в этом регионе имущество, принадлежавшее гражданам Германии. Экспроприация затронула, помимо прочего, фабрику по производству нитратов в г. Хожуве, все активы которой, включая землю, здания, оборудование и сырье, в 1920 г. выкупила у немецкого прави-

¹⁹ См.: Яковлева С. П. Автономное толкование в практике Европейского суда по правам человека при защите права собственности // Экономика. Право. Менеджмент: сборник трудов молодых исследователей БГУ. 2015. Вып. 1.

²⁰ См.: Wildhaber L., Wildhaber I. Recent Case Law on the Protection of Property in the European Convention on Human Rights // International Investment Law for the 21st Century, 2009. P. 659—661.

²¹ См.: Reinisch A. Expropriation // The Oxford Handbook of International Investment Law. Oxford University Press, 2009. P. 414.

¹⁷ См.: Синицын С. А. Исковая защита вещных прав в российском и зарубежном гражданском праве: актуальные проблемы. М., 2015. С. 43.

¹⁸ Подробнее см.: Sprankling J. G. The Global Right to Property // Columbia Journal of Transnational Law. 2014. Vol. 52. P. 464.

тельства компания Oberschlesische Stickstoffwerke. По условиям соглашения с правительством Германии Oberschlesische Stickstoffwerke должна была управлять деятельностью фабрики до 1941 г., инвестируя в ее развитие запатентованные технологии и лицензии своей материнской компании. После того как Хожув перешел в состав Польши в 1922 г., польский суд признал незаконной регистрацию Oberschlesische Stickstoffwerke в качестве собственника земельного участка, на котором располагалась фабрика, и постановил зарегистрировать право собственности на землю за Казначейством Польши. Oberschlesische Stickstoffwerke обратилась в национальный суд, однако к моменту вынесения решения ППМП рассмотрение дела на национальном уровне так и не началось. Решением ППМП Oberschlesische Stickstoffwerke была присуждена компенсация за экспроприированные активы. При этом Международный суд подчеркнул, что экспроприация Польшей фабрики нанесла ущерб учредителям Oberschlesische Stickstoffwerke в том смысле, что лишила их права на эксплуатацию фабрики, получение вознаграждения за управление ей и использование своих патентов и лицензий. Поскольку указанные права были связаны с самой фабрикой, ППМП считала, что на них распространяется запрет изъятия имущества, закрепленный в ст. 6 Конвенции между Германией и Польшей в отношении Верхней Силезии от 15 мая 1922 г. Таким образом, имуществом, подлежащим защите от экспроприации, были признаны не только материальные объекты, но и нематериальные активы²².

²² Решение ППМП по делу фабрики Хожув положило начало развитию международного правового регулирования инвестиционных отношений, поскольку в нем впервые были сформулированы принципы защиты вещных прав юридических лиц, осуществляющих деятельность за ру-

Аналогичное решение принял Трибунал по урегулированию взаимных претензий Ирана и США, учрежденный на основании Алжирских соглашений 19 января 1981 г., в деле компании Амосо. Основанием для обращения в суд в данном случае явилась национализация нефтяной промышленности Ирана после исламской революции в феврале 1979 г. На тот момент Амосо являлась акционером и управляющей компанией иранской нефтяной компании Khmесо, которая также была национализирована. Суд посчитал, что национализация была проведена в нарушение международного права и присудил Амосо компенсацию за нарушение ее прав. Трибунал также отметил, что экспроприация, или принудительный переход имущественных прав, может распространяться на любые права, которые могут быть объектом коммерческой сделки, т. е. свободно покупаться и продаваться и иметь денежное выражение²³.

Расширительное толкование понятия имущества при национализации можно встретить и в решениях арбитража *ad hoc*. Так, в феврале 2000 г. голландская телекоммуникационная компания СМЕ направила правительству Чехии уведомление об арбитраже в соответствии с Арбитражным регламентом ЮНСИТРАЛ. Причиной послужило то, что, по мнению СМЕ, путем внесения изменений в закон о средствах массовой информации и расторжения договора с СМЕ о предоставлении вещательных услуг правительство Чехии лишило ее контроля над наиболее успешным чешским телеканалом с ежегодной чистой прибылью

бежом, т. е. прав инвестора. Подробнее об этом см.: Проблемы международного частного права: сб. ст. / под ред. Н. И. Марышевой. М., 2000. С. 123.

²³ См.: *Subedi S.* International Investment Law. Section D: The Case-Law on the Treatment of Foreign Investment. University of London Press, 2005. P. 8.

порядка 30 млн долл. США. В свою очередь, это привело к срыву сделки о покупке СМЕ другой вещательной корпорацией, что повлекло убытки в размере 500 млн долл. США. Правительство Чехии возражало против обвинений, утверждая, что не лишало СМЕ имущества, так как права из договора на вещание не могут быть признаны имуществом. Тем не менее арбитраж посчитал данный довод не состоятельным. Арбитры решили, что действия чешских властей привели к тому, что СМЕ лишилась своего бизнеса, и признали это утратой коммерческой ценности инвестиций в соответствии с двусторонним инвестиционным договором между Чехией и Голландией²⁴.

Правовой режим иностранной собственности определяется прежде всего внутренним законодательством, включая специализированное инвестиционное законодательство²⁵. В связи с этим нельзя не отметить, что понятие инвестиций является еще более широким с точки зрения объема охватываемых прав и «может содержать любого вида имущественные ценности, в том числе права в отношении движимого и недвижимого имущества, акции, денежные требования, права на интеллектуальную собственность, концессионные права, включая права на разведку и эксплуатацию природных ресурсов»²⁶. Данный вопрос получил существенное освещение в практи-

ке Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС). Центр был создан в соответствии с Конвенцией об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств 1965 г. (далее — Вашингтонская конвенция) и имеет собственный регламент примирительной процедуры и арбитража²⁷. Конвенция не содержит определения понятия инвестиций. По свидетельству ее составителей, это было сделано специально, чтобы вложить в данный термин наиболее широкий смысл, а также с целью достижения компромисса между государствами, экспортирующими и импортирующими капитал²⁸. Результатом такого компромисса является то, что на сегодняшний день в МЦУИС отсутствует однозначный подход к пониманию того, может ли та или иная деятельность, связанная с передачей имущества, быть признана инвестицией в значении Вашингтонской конвенции²⁹.

Очевидно, что такой подход не может быть напрямую имплементирован в российском праве. Тем не менее распространение вещно-правового режима на имущество (в значении, придаваемом этому термину международной практикой в контексте его охраны) могло бы усилить защиту прав на зарубежные активы российских лиц. Расширение сферы действия принципа *lex rei sitae* и закрепление его именно в качестве общего принципа, распространяюще-

²⁴ См.: *CME Czech Republic B. V. v. The Czech Republic*, UNCITRAL. URL: <http://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0178.pdf> (дата обращения: 28.05.2017).

²⁵ На связь инвестиционных правоотношений и вопросов собственности обращал внимание Л. А. Лунц: «К вопросу собственности относятся также и вопросы национализации имущества иностранцев». Подробнее см.: *Лунц Л. А.* Указ. соч. С. 418.

²⁶ Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части третьей (постатейный) / отв. ред. Н. И. Марышева, К. Б. Ярошенко. М., 2014. С. 491.

²⁷ См.: *ICSID Convention, Regulations and Rules (as Amended and Effective April 10, 2006)*. URL: <http://icsidfiles.worldbank.org/icsid/icsid/StaticFiles/basicdoc/basic-en.htm> (дата обращения: 28.05.2017).

²⁸ См.: *Schreuer Ch., Malintoppi L., Reinisch A., Sinclair A.* The ICSID Convention: A Commentary. Cambridge University Press, 2009. P. 114—117.

²⁹ См.: *Remy B.* CIRDI: Chronique des sentences arbitrales // *Journal du droit international*. 2014. No. 1. P. 229—349.

гося на все аспекты вещных прав, позволяет учитывать специфику конкретных объектов вещных прав при разработке коллизионных норм. Так, уже сегодня в отношении объектов культурного наследия в практике можно встретить применение коллизионного принципа закона места происхождения, а не нахождения вещи. При защите прав на результаты интеллектуальной деятельности (с учетом того что они не

являются объектами вещных прав по российскому праву) также встречается коллизионная привязка к закону страны, в отношении которой истребуется защита. Данные коллизионные нормы являются результатом новых подходов к классификации объектов вещных прав и необходимости защиты обладателя прав, которые невозможно защитить, опираясь исключительно на договорные обязательства.

Библиографический список

- Hepburn S. Principles of Property Law. L., 2001.
- Panesar S. General Principles of Property Law. L., 2001.
- Reinisch A. Expropriation // The Oxford Handbook of International Investment Law. Oxford University Press, 2009.
- Remy B. CIRDI: Chronique des sentences arbitrales // Journal du droit international. 2014. No. 1.
- Schreuer Ch., Malintoppi L., Reinisch A., Sinclair A. The ICSID Convention: A Commentary. Cambridge University Press, 2009.
- Sprankling J. G. The Global Right to Property // Columbia Journal of Transnational Law. 2014. Vol. 52.
- Subedi S. International Investment Law. Section D: The Case-Law on the Treatment of Foreign Investment. University of London Press, 2005.
- Wildhaber L., Wildhaber I. Recent Case Law on the Protection of Property in the European Convention on Human Rights // International Investment Law for the 21st Century, 2009.
- Бадмаева С. Ю. Объекты вещных прав в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
- Базедов Ю. Возрождение процесса унификации права и его элементов // Государство и право. 2000. № 2.
- Васильев Г. С. Движимые вещи // Объекты гражданского оборота: сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2007.
- Гражданское право. Часть особенная. Вещное право / [Соч.] Орд. проф. Ю. С. Гамбарова. 1894—95 г. М., 1895.
- Гумаров И. Понятие вещи в современном гражданском праве России // Хозяйство и право. 2000. № 3.
- Зенин И. А. Гражданское и торговое право зарубежных стран: учеб. пособие. М., 2005.
- Иоффе О. С. Обязательственное право. М., 1975.
- Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части третьей (постатейный) / отв. ред. Н. И. Марышева, К. Б. Ярошенко. М., 2014.
- Лунц Л. А. Курс международного частного права: в 3 т. М., 2002.
- Масляев А. И. Понятие и виды вещных прав // Закон. 2004. № 2.
- Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. М., 1950.
- Проблемы международного частного права: сб. ст. / под ред. Н. И. Марышевой. М., 2000.
- Российское гражданское право: учебник. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2011.
- Синайский В. И. Русское гражданское право. Киев, 1912.
- Синицын С. А. Исковая защита вещных прав в российском и зарубежном гражданском праве: актуальные проблемы. М., 2015.
- Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. М., 2005.
- Яковлева С. П. Автономное толкование в практике Европейского суда по правам человека при защите права собственности // Экономика. Право. Менеджмент: сборник трудов молодых исследователей БГУ. 2015. Вып. 1.